

Взыскание погибшей

Невыдуманная история про ужас, смерть,
прощение и любовь

*«Я не знаю, когда и где родилась и кто мои родители. По достижении 18 лет в отделении милиции мне выдали протокол с описанием, как меня нашли:
26 января 1984 г. возвращавшаяся с работы женщина услышала слабый писк из мусорного контейнера. Подумала — котенок, но обнаружила в клубке пеленок трехмесячную девочку. Милиция подтвердила факт «находки», «скорая помощь» увезла малышку в больницу. Несмотря на старания врачей выходить истощенного и завшивевшего ребенка, детское сердце не выдержало, и наступила клиническая смерть. Реанимация не помогала. Один из молодых врачей возмутился происшедшим и сказал фразу, какую обычно говорят в кино: «Она должна жить!». И произошло чудо...*

С этим врачом я встретила через 18 лет после своего рождения. Он помнил меня — он подарил мне жизнь, дал мне имя Ольга и отчество Петровна по своей фамилии.

Благодаря заботе и опеке врачей, потрудившихся оформить необходимые документы, три первых года жизни я провела в больнице, а не в доме малютки. Меня лечили, выхаживали, любили. В памяти остались кружевные занавесочки на кровати и улыбающиеся лица.

Годы, проведенные в детском доме, запомнились как беззаботные и счастливые. Но, конечно, я ждала маму. Часто по вечерам смотрела в светящиеся окна соседних многоэтажек, мечтала, что за каким-то из них мама готовит ужин и скоро позовет меня, нужно только чуть-чуть подождать.

Как и у всякой девочки, у меня была кукла. Она стала настоящей подружкой: ей я рассказывала о неприятностях и бедах, с ней пряталась от «врагов». Того, кто брал мою куклу, ждала драка — куклу возвращали, а меня наказывали. «Подружка» сопровождала меня до момента, когда в наше отсутствие в детском доме начался капитальный ремонт, и многие вещи выбросили. Долгое время я горевала и плакала по ночам, лишившись своей спутницы: пропажа куклы стала знаком окончательного завершения детства.

В 7 лет из «детского» дома меня перевели в «отроческий». Здесь я впервые столкнулась с понятием зла — не сказочного, а страшного и реального. Оно встретило нас в лице старших детей: вместо приветствия они принялись, обзывая, скидывать нас, маленьких, по одному с лестницы. От такого неожиданного приема мы оцепенели, решив, что скоро эта «игра» закончится. Но «игра» закончилась только через 11 лет. Драка стала неотъемлемой частью нашего существования — стычки до крови или потери сознания. Жестокость нечеловеческая: никто ничего не боялся, а безнаказанность развязывала руки.

Старшие, дежуря у младших по ночам, курили, могли потушить сигарету о голову того, кто не спал. За слезы подвергали «пыткам»: били по губам, грязные носки заталкивали в рот, раздевали и ставили под холодный душ.

Как-то ночью старшие детдомовцы устроили суд над мальчиком, который рассказал медсестре об издевательствах над нами. Мальчика звали Костя, он был моим ровесником. Нас подняли с постелей и вывели на задний двор, где стоял старый-престарый автобус. Связанного Костю затолкали внутрь, закрыли за ним дверь, а в форточку бросили пук горящих спичек. Внутри автобуса, видимо, был разлит бензин, потому что вмиг вспыхнуло пламя. Раздался взрыв, зазвенели разбитые стекла, слышался смех «палачей», исчезнувших при появлении сторожа. Мы же, «зрители», не могли пошевелиться... Обгоревшего, без сознания, всего черного Костю пожарный на руках отнес к «скорой». Больше я ничего не помню — потеряла сознание.

Фея

Учиться меня отправили в обычную школу. Как и все первоклассницы того времени, я была в новой школьной форме, в белом фартуке и с букетом розовых гладиолусов.

К школе подходили ученики с родителями. Меня привела воспитательница из детского дома, она спешила и, оставив у таблички «1В», ушла. А я испугалась и расплакалась. Вдруг ощутила, что моя ладонь оказалась в другой большой теплой ладони. Подняв глаза, увидела добрую фею из сказки — свою первую учительницу Маргариту Борисовну. Я так и простояла всю линейку, держась за нее. Тепло ее руки стало образом опоры на всю мою жизнь.

Из-за бессонных ночей в детдоме засыпала в школе на уроках. Сквозь сон чувствовала, что меня брали на руки и укладывали на

пуфики в конце класса. Просыпалась под «потягушечки-полегушечки...» — Маргарита Борисовна нежно гладила меня по голове. Я обнимала ее и снова шла учиться. Понятно, что «домой» уходила со слезами, а в школу — бежала, учеба стала для меня праздником: я выписывала сложные закорючки и считала зайчиков с морковками, стараясь изо всех сил, чтобы порадовать ее.

Она отогрела мое сердце, совсем одичавшее в «джунглях» детского дома. Я училась в 9-м классе, когда она умерла. С ее смертью я осиротела, что-то оборвалось внутри.

Кто-то молится

Как-то в детский дом приехал священник — отец Григорий с матушкой Иулией. Подростков собрали на встречу, а что от нас ждать? — насмешки, дерзость, ожесточенное неприятие людей, рассказывающих о Справедливом и Любящем Боге. Когда священник спросил, есть ли вопросы, я встала и сказала: «Знаете ли Вы, что Вас жестоко обманули!? Бога нет в этом мире!»

Так мы познакомились с отцом Григорием. Рядом с ним и его близкими я чувствовала себя нужной и любимой. Каждую среду ждала встречи с удивительными людьми, в беседах с ними открывалось новое понимание жизни. Позже стала ходить на службы в их храм —

в честь Державной иконы Божией Матери. Я обрела семью.

А в школе у меня появился друг Денис. Он знал, что я «детдомовская», и каждый день встречал в холле с какой-нибудь приятной мелочью — конфетой, значком или наклейкой. Когда я рассказывала ему о своих несчастьях, он сжимал кулаки и говорил: «Когда вырасту, я их накажу!» Конечно, дети нам вслед кричали «Жених и невеста, тили-тили-тесто!». А мы убежали и не могли наговориться друг с другом.

В 7-м классе мы с Денисом записались в туристический кружок — начались приключения! Каждый выходной день — ура! на свободе, вдали от детского дома — мы ездили на занятия по спортивному ориентированию и выживанию в экстремальных условиях. Успешно прошедшие курс на каникулах отправлялись в дальние походы — Крым, Кавказ, Урал, Хибины. Мы все мечтали об этом, но для меня успехов в обучении и тренировках было недостаточно: кто отпустит меня из детского дома и где взять необходимое снаряжение? И вот классный руководитель и родительский комитет на день рождения вручили мне рюкзак, спецодежду, обувь, а наши инструкторы по туризму «пробили» опеку на время каникул. Сбываются мечты! Мы карабкались по скалам, ходили на байдарках, сплавлялись по рекам на плотках, покоряли вершины гор, с фонариками на лбу ползали в узких проходах пещер...

В походах Денис из просто друга превратился в рыцаря: на привалах, когда я не видела, он вытаскивал из моего рюкзака тяжелые консервы и перекладывал себе, иногда, если уставала, он брал меня на руки.

Во время одного из дальних походов, ставшего для меня последним, я чуть не погибла: поднимаясь в гору по серпантину, оступилась и полетела вниз. В голове мелькали обрывки моей жизни... Страха не было совсем, а только ощущение приближающегося конца. И вдруг вся эта круговерть остановилась: один из ремней рюкзака зацепился за куст. Понемногу стала приходить в себя: одежда порвана, боль во всем теле, голова разбита, руки в крови. В этот момент, спасшись неведомым образом, я впервые поняла, насколько сильно я хочу жить.

В больнице выяснилось, что у меня небольшое сотрясение мозга и несколько ушибов — и всё! «Кто-то молится за тебя!» — с удивлением говорили медсестры.

Монастырь

После школы жизнь моя совсем изменилась: «казённый» дом остался в прошлом — дали комнату в коммуналке, и я потеряла своего рыцаря и свою опору. Денис поступил в закрытое военное учебное заведение, а я, отучившись в медицинском колледже, сдала вступительные экзамены в педагогический университет, поступив на дефектоло-

гическое отделение. Одновременно работала в городской больнице.

Расставание со старым другом и начало новой свободной жизни, увы, принесло дурные плоды. На посиделках с персоналом больницы я стала понемногу выпивать, легко втянулась, а позже попробовала и морфий, на который отдавала все заработанные деньги, а питалась как и где придется. Оказавшись в мире «добрых» наркоманов, работу совсем забросила, прежние знакомые из прихода перестали меня интересоваться. Жизнь сузилась до одной точки — достать дозу.

Но для отца Григория и тех людей, с которыми подружилась в церкви, я не пропала. Они спасли. Один раз нашли меня — ума не приложу, как, при выключенном телефоне, в жутком месте — отвезли в наркологическую лечебницу, откуда я попыталась бежать, выпрыгнув из окна, не знаю, в сознании или нет. Случилась остановка дыхания, а я снова не умерла. Отец Григорий сидел у моей кровати, что-то говорил, говорил. Я помню звук его голоса и ощущение покоя.

Через два месяца по его благословению и по договоренности с настоятельницей я оказалась у монастырских ворот. Мир монастыря пугал и отталкивал: строгость устава, казавшиеся бесконечными послушания, отрешенные лица сестер, — все это угнетало и вызывало протест. Плакала, не

переставая, — на трапезе, на занятиях, на послушаниях. Но, когда меня благословили работать в приюте с детьми-сиротами, опухшие глаза открылись, и я увидела вокруг себя девочек с косичками и бантиками, разглядела тепло в суровых глазах монахинь, помогавших мне в сложных ситуациях, завидное терпение и энергию воспитателей. Одна из них, преподавая три-четыре предмета в гимназии, находила в себе силы после занятий проводить время с девочками в приюте, вместе с ними стирать, убираться. Вечерами она пела им колыбельные — зная об этом, я тихонечко подходила к дверям комнаты и слушала «Лунные поляны»...

Вскоре появились и первые собственные успехи в работе с трудными и запущенными детьми — занятия приносили заметные плоды: многие девочки быстро набирались умений и навыков, некоторым даже сняли диагноз ЗПР (задержка психического развития). Можно ли передать радость человека, который ощутил, что стал нужным, что его жизнь стала обретать смысл!?

К тому же неожиданно для себя я стала иначе относиться к своей главной «сиротской» проблеме — обиде на маму. Меня мучил вопрос, жива она или нет, — посоветовали читать акафист иконе Божией Матери «Взыскание погибших». В ответ я кивнула, а сама подумала: «Может быть, как-нибудь, и так молитв здесь много!» А вечером на

занятиях в приюте одна из девочек взяла с полки акафистник, полистав, открыла на том самом акафисте и говорит мне: «Ня!» — «Ангелочек мой!» Монахини говорят, ничего не бывает без Промысла Божия. Не хочешь, а поверишь!

Стала читать молитвы Богородице и в день рождения впервые за всю свою жизнь почувствовала в сердце любовь к матери. Нет, обида, горечь, боль не исчезли совсем, но появилось новое чувство: я поняла, что учусь прощать и любить. Мама перестала быть причиной слез и боли, я стала понимать, что она — человек, подаривший мне жизнь.

Гроза

Вскоре радостные переживания сменились новыми неприятными событиями — на службах в храме — мной стали случаться обмороки — я потеряла покой, появился страх, я не могла спать... Предположений было много — то невроз, то психоз, то бесы. Когда провели необходимое обследование, оказалось, что в моей голове раковая опухоль — бомба с часовым механизмом: может рвануть через месяц, может — через тридцать лет, а может и завтра.

Вот и вся моя жизнь! С этой мыслью невозможно смириться: ужас, страх, боль, одиночество — эти слова не могут передать глубины горя, которое я переживала...

Опухоль была глубоко, в труднодоступном месте, однако врачи надеялись, что после химиотерапии можно попробовать сделать операцию, но и не скрывали, что успех не гарантирован. Поговорив с батюшкой, отцом Григорием, я заставила себя иначе относиться к болезни: поняла, что нельзя тратить силы на нытье, на жалость к себе — кто знает, сколько еще мне жить, надо проживать каждый день, как будто он последний. И когда матушка благословила с «командой» моих сложных детей пожить в скиту, время, проведенное там, восприняла как счастливейшие дни моей жизни!

Приехав в скит с горящими глазами, дети с радостными криками напали на скитских собак, кошек и другую живность. Одна из девочек, самая хрупкая и болезненная, беседовала с собаками, дрессировала их. Было умирительно смотреть, как псы, прижав уши и робко заглядывая в «свои домики», ждали, пока она там похозяйничает.

Мы всё делали вместе: готовили, пекли пироги, мыли посуду, убирали дом, рисовали, лепили, играли. По выходным ходили в походы — переправлялись вброд через

реку, купались, бегали по лесу, жарили на костре сосиски и запекали в углях картошку.

На одной из прогулок мы, сбившись с дороги, неожиданно попали в заброшенное село. На самой его окраине стоял огромный — в три престола — храм святителя Николая. Дверь — настежь, стены исписаны, окна выбиты, пол загажен. Минуты две мы, потрясенные, молчали. А потом, словно по команде бросив рюкзаки, стали наводить порядок — собирали бутылки, окурки, закрывали окна и двери палками и кирпичами. Голыми руками девочки стали очищать пол, а он выложен мозаикой! Дети чуть не плакали, наперебой предлагая разные способы, как защитить храм от безбожников. Пропев тропарь, кондак и величание святителю Николаю, мы тщательно заперли двери храма и отправились в обратный путь.

Не прошли мы и полпути, как услышали шум надвигающейся грозы — но никто не испугался: святитель Николай нам поможет! Всю дорогу к скиту нас сопровождали раскаты грома и всполохи молний. Как только мы переступили порог дома, разразилась сильнейшая гроза — а мы смеялись и благодарили своего покровителя. Не помню, плакала ли когда-нибудь от радости, как в этот раз.

И снова беда — состояние здоровья неожиданно резко ухудшилось, поднялась температура выше 40. Опухоль прорвалась, и ее частицы попали в кровь. Начались переливания крови и еще какие-то сложные процедуры. Сознание включалось лишь изредка: видела лица людей, то ли испуганные, то ли изумленные. Казалось, они чего-то ждут: не говорили, но думаю, ждали смерти. А я выжила.

Тем временем отец Григорий выхлопотал для меня лечение и операцию в Израиле: Общество православных врачей через благотворительный фонд выделило деньги. Нужную сумму на дорогу собрали прихожане. Матушка игуменья договорилась с настоятельницей Горненского монастыря под

Иерусалимом — оформили приглашение на паломничество.

В те дни я чуть не лишилась рассудка: разум не вмещал происходящего — кто я, чтобы вокруг меня сконцентрировалось столько внимания, заботы и любви?

Дом

На Успение Божией Матери я была в приходе, где давно не появлялась и где меня встречали родные и добрые лица. Отец Григорий исповедовал. Такой исповеди никогда в моей жизни не было — она длилась 4 часа. Окончив, отец Григорий сказал: «Возможно, это твоя последняя исповедь». Я не герой — реальный страх смерти преследовал и мучил меня все время. Я расплакалась — но не от страха смерти, а от глубокого чувства значимости происходящего.

Незадолго до моего отъезда в монастырь приехал схиархимандрит Власий и, по обыкновению, обходил построившихся сестер. Хлюпая носом, я сказала ему о своих страхах. Он обнял меня и поцеловал в темя. «Ничего не бойся. Я помолюсь за тебя. И арабы тебя не украдут!» С таким благословением и полетела в Тель-Авив, где меня стали готовить к операции — уколы, обследования, капельницы. А погода прекрасная — солнце, тепло, море недалеко — и я не унывала.

На выходные опускали — я паломничала. Посчастливилось поехать по святым местам и еще пожить и поработать в Горненском монастыре.

Перед операцией неожиданно выяснилось, что из-за аппаратуры надо снять крест. А как же без креста? Со мной случилась истерика, стали делать уколы. Придя в себя, вспомнила про путешествовавшую со мной иконку Божией Матери «Всех скорбящих Радость». С иконой было можно, и я сжала ее в руке. Последнее, что заполнилось перед глубоким сном, — в моей раскрывшейся ладони — лик Богородицы.

О том, насколько операция была неординарной и сложной, узнала, вернувшись домой, когда меня повезли на Международный симпозиум по нейрохирургии, чтобы продемонстрировать медицинской общественности. Говорили по-английски — я ничего не понимала, улыбалась и благодарила оперировавшего меня врача-нейрохирурга. Тот улыбался в ответ и жал мне руку.

После лечения я вновь живу в монастыре и работаю с детьми. Не знаю, кто для кого больше учитель: я для них или они для меня. Как-то на занятиях одна из новеньких девочек, недавно ставшая круглой сиротой, расплакалась: «Хочу домой, к маме...» Другая же малышка взрослым басом ей ответила: «Ты чего? Ты же здесь дома!» — и та успокоилась. ♣

Записала **Людмила Бонюшкина**
Рисунки **Александра Шевченко**

